

ЕКАТЕРИНА II И ЖАН ЖАК РУССО.

Отношения императрицы Екатерины II и некоторых из ее приближенных к представителям французской литературы заключают в себе не мало интересных сторон. Большинство так называемых энциклопедистов, Вольтер, Гальяни? Гримм, Даламбер, Дидро, Мармонтель, пользовались великими и богатыми милостями, посылаемыми им из России, и на разные лады и тоны прославляли северную Семирамиду и ее деяния. Но и между французскими писателями были люди независимые, которые держали себя в стороне от этого выгодного, но не всегда искреннего каждения. К числу таковых принадлежал Руссо.

Вынужденный покинуть, в 1762 году, вслед за запрещением его Эмиля, Францию, и лишенный убежища в родной своей Женеве, Руссо перебрался в Невшательский кантон. Но и там не удалось прожить ему покойно. Через Страсбург отправился он, в 1765 году, в Англию.

В это время в Страсбургском университете слушал лекции В. А. Поленов, впоследствии почтенный русский законовед. «Очень рад буду опять с вами увидеться, писал он 25 ноября 1765 года своему приятелю Заутерсгейму в Париж, и вероятно буду этим обязан вашему знаменитому другу Руссо (о Заутерсгейме Руссо упоминает в своих *Confessions*, кн. XII). По приезде Руссо в Страсбург, все любопытствовало его видеть, и всякий судил о нем по себе. Про него много говорили глупостей и неправды. Одни считали его философом, другие глупцом, некоторые — мизантропом. Народ принимал его за колдуна, и это больше по его одежде (Руссо носит в это время армянский костюм).

На днях давали его комедию с музыкой его же сочинения (*Le devin du village*). Он сам был на этом представлении. Я узнал автора по пьесе. В ней много чувств, достойных человека добродетельного и любящего человечество. Но к несчастью в наше время над всем этим смеются. В настоящую минуту стремление к нему уже прошло, и его оставляют в покое. Я видел его несколько раз, и, если вы сюда приедете, то я надеюсь, что, по дружбе вашей, доставите мне случай поговорит с ним, что я почту себе за особенную честь» («Русский Архив», 1865 г., № 5 и 6, стр. 703).

Этого случая не встретилось, Поленов и не познакомился с Руссо.

В конце того же 1765 года приехал в Страсбург граф К. Г. Разумовский, президент Петербургской академии наук, для свидания с сыновьями, там воспитывавшимися. Узнав, что Руссо еще в Страсбурге, Разумовский хотел на другой же день своего приезда посетить его. Говорили, что он имел намерение предложить ему в подарок свою библиотеку, дать ему пенсию и местопребывание в любом из своих многочисленных поместий в Малороссии. Это намерение Разумовского не исполнилось: Руссо выехал из Страсбурга в тот самый день, как Разумовский туда приехал.

Оставив Страсбург, Руссо поселился в Англии и там, в начале 1767 года, получил приглашение другого русского барича, графа Орлова.

«Зная, что люди склонны к странностям, вы не удивитесь, что я пишу вам, говорит Орлов Руссо. У вас есть свои странности, у меня мои, и причина, побудившая меня писать вам, да будет одною из таковых». Выразив, затем, сожаление видеть Руссо давно странствующим с места на место, описав положение своего имения близ Петербурга, и не совсем прилично отозвавшись о русском духовенстве, граф Орлов предложил Руссо свое гостеприимство. В ответе Руссо на это приглашение сквозит едва скрытая ирония. «Вы говорите о своих странностях, пишет он, и действительно странно благотворить так издалека, и человеку, которого совершенно не знаешь». Руссо отказался от убежища у графа Орлова.

До сих пор не выяснено еще, которым именно из пяти братьев Орловых сделано было это приглашение Руссо. Хотя его приписывают Григорию Орлову («Русский Архив», 1869 г., № 3, стр. 583, и Биографический очерк графа В. Г. Орлова, Спб., 1878, том I, 19. Письмо гр. Орлова и ответ Руссо напечатаны были в первый раз в «Journal Encyclopedique», июль 1767 года), но гораздо вероятнее, что оно принадлежит младшему из братьев — графу Владимиру. Этот, тогда еще молодой человек (р. в 1743 г.), впоследствии преемник графа Разумовского в академии наук, был большим почитателем Руссо. Княгиня Дашкова свидетельствует, что Владимир Орлов, человек ограниченный, вынес из своего пребывания в германских университетах лишь уверенность, совершенно, впрочем, лишённую основания, в том, что изучил там всю премудрость. Это убеждение придало ему необыкновенное самомнение и педантический тон: не было ни одного софизма Руссо, которого он не принял бы за истину, усвоив себе все рапсодии этого писателя (Записки — Арх. кн. Воронцова, XXI, стр. 156).

Вернувшись, после пребывания в Англии, во Францию, Руссо, с 1770 года, вновь поселился в Париже. Здесь познакомился с ним граф В. Г. Орлов. По словам графа, он, в мае 1772 года, видел Руссо раза четыре или пять; Руссо полюбил его, просил ходить к нему почаще и много ласки оказывал (Биографический очерк графа В. Г. Орлова, Спб., I, 255, и 268). Возвратясь в Россию, граф Орлов вспомнил о Руссо и послал ему какие то семена.

Вслед затем, в 1775 году, посетил Руссо И. И. Шувалов. Отдавая отчет об этом посещении, Шувалов заметил, что Руссо был одет франтом и находился в прекраснейшем расположении духа (Charavay. *Lettres autographes composant le cabinet d'un amateur russe*, Paris, 1882, p. 38. Здесь посетителем Руссо назван граф А. П. Шувалов, но это очевидная ошибка. Граф А. П. Шувалов, в 1775 году, был в Москве.).

Наконец, в сношениях с Руссо находился и князь А. М. Белосельский, тогда еще восемнадцатилетний юноша, ездивший, для окончания своего образования, в Париж я в Фернея. Между ними была одна общая черта — любовь к итальянской музыке, о которой князь Белосельский издал небольшую брошюру (*De la musique en Italie. A La Haye. 1778.*). К сожалению не сохранилось ближайших сведений о сношениях их между собою, кроме письма Руссо к Белосельскому, 27-го мая 1775 года, в котором первый благодарит князя за память о нем, но просит, однако, более не писать к нему, выражая надежду побеседовать с ним в случае вторичного приезда его в Париж (Musset-Pathay. *Histoire de la vie et des ouvrages de J. J. Rousseau*. Paris. 1821. II, 539.).

Любитель французской литературы, знакомый Вольтера, Мармонтеля, Делиля, сам писавший французские стихи, Белосельский был впоследствии русским посланником в Турине. Здесь он навлек на себя не благоволение за то, что писал идилические депеши о событиях во Франции (письмо Ростопчина в Воронцову 28-го сентября 1792. Арх. кн. Воронцова VIII, 60), за что, разумеется, и был лишен должности.

Между тем, Руссо приступил (в 1772 году), по приглашению графа Михаила Вьельгорского, кухмистра великого литовского, конфедерата барского, прибывшего в Париж искать покровительства Франции в пользу Польши, к составлению проекта государственного ее переустройства (**Considerations sur le gouvernement de Pologne et sur sa reforme projetee**). Вьельгорский, более известный как музыкант-любитель, чем как государственный человек, успел испросить денежное пособие для Руссо, за советами которого обратился после того, как его не удовлетворила работа, сделанная аббатом Мабли.

Занимаясь своим сочинением, Руссо изучал историю польского народа и старался узнать его обычаи и нравы; в продолжение этих занятий он приобрел доброе, полное сочувствия, мнение о поляках и высказал, что скорее согласился бы жить в Польше, чем в испорченном Париже. Антоний Тизенгауз, подскарбий литовский, услышав об этом отзыве Руссо, вздумал, во время бытности своей в Париже, в 1778 году, уговорить Руссо переехать в Польшу. Зная о его ненависти к обществу и любви к уединению, Тизенгауз предложил для будущего пребывания Руссо беловежский лес, как место самое уединенное во всей Европе. Тизенгауз обязывался выстроить в пуще дом, по плану, составленному Руссо, предоставляя ему все удобства обыденной жизни, прислугу, экипаж, без всяких обязательств со стороны Руссо. Известный в польской литературе Ксаверий Богуш, прелат виленской кафедры, находившийся в Париже при Тизенгаузе, был употреблен для переговоров об этом деле. В начале это предложение понравилось Руссо; казалось он уже готов был принять его, как неожиданный случай расстроил планы и старания Тизенгауза. К несчастью его соотечественников, в Париже явился польский авантюрист Вяжевич, который, решившись воспользоваться странностями Руссо, познакомился с ним, возбудил к себе его сочувствие вымышленным несчастием и обманул его, после того, наглым образом. Руссо, рассердясь, что поляк обманул его доверие, прогневался вместе с тем на всех поляков и оставил намерение переселиться в Польшу (**Балинский и Липинский. Strozytna polska, 111,780, или День 1864, № 44, стр. 19**).

Не следует придавать особого значения этим попыткам приглашения Руссо в Россию и Польшу. Лица, их делавшие, следовали указаниям моды. Мода того времени требовала являться на, поклон к Вольтеру в Ферней, — та же мода предписывала предлагать Руссо гостеприимство. Этот скиталец был осаждаем подобного рода предложениями, и те, о которых мы упоминали, составляют лишь малую долю в числе других, иногда даже, если так можно выразиться, «курьезных» приглашений, которыми преследовали Женевского философа.

В том же 1778 году, фон-Визин, бывший в то время в Париже и вращавшийся в тамошнем литературном кругу, пожелал познакомиться с Руссо. Уже назначен был день их свидания, «но, рассказывает фон-Визин» (**Сочинения, изд. под редак. Ефремова, стр. 446**), накануне того дня пришел ко мне один аббат, чрез которого я добивался познакомиться с Руссо, и сказал мне новые вести, что он был в доме у Руссо, и застал его жену в слезах и отчаянии, которая спрашивала его: не видал ли он, где муж ее? Он уже две ночи дома не ночевал, и она боится, не посажен ли он в тюрьму от правительства. Дня три прошли в сем безъизвестии; наконец узнали, что он поехал к одному своему приятелю, человеку знатному, в деревню, от Парижа верст с пятьдесят. Причина его удаления вот какая: он сочинил записки своей собственной жизни, в которых весьма свободно описывал все интриги здешних вельмож поименно. Сию книгу сочинял он с тем, чтоб после смерти жена его ее напечатала и имела бы от нее верный и нарочитый доход. Он для нее сию книгу пишет и оставляет ей в наследство. Жена его — такая алчная к деньгам, какой свет не производил. Ей показалось долго дожидаться мужней смерти. Она, уговорясь с одним книгопродавцем, продала ему манускрипт, позволяя его списывать тихонько, когда Руссо

спал. Он не знал, не ведал этой напасти, как вдруг получил письмо из Голландии от одного книгопродавца, который пишет к нему, что он имеет в руках своих его манускрипт, купленный за сто луидоров, и спрашивает его от доброго сердца, на какой бумаге и какими литерами советует он сделать издание? Руссо жестоко испугался, увидя женино бездельство и писал к книгопродавцу, чтоб он Бога ради до смерти его не печатал книги, а сам, бросив неблагодарную жену, поехал в деревню к своему приятелю. Теперь уже видно, что книгопродавец его не послушал, ибо книга напечатана и появившиеся здесь экземпляры конфискованы, а бедный Руссо, видно от страха и негодования, прекратил жизнь свою. Сегодня получено известие, что он умер (3-го июля 1778 года) и найдена на теле его ранка в самом сердце. Сказывают, что он булавкою проткнул сердце, а иные говорят ножичком. Как бы-то ни было, но он сам себя лишил жизни; по крайней мере, сей слух разнесся теперь по всему городу. Приятель мой Гудон поехал теперь к нему снимать маску, ибо лицо, как слышно, точно еще такое, как было у живого. Итак, судьба не велела мне видеть славного Руссо!.. Однако ж правда, что чуть ли он не всех почтеннее и честнее из господ философов нынешнего века. По крайней мере, бескорыстие его было строжайшее. Я так зол на жену его, что если бы был судья, то бы велел ее повесить»...

Известие о насильственной смерти Руссо, сообщаемое фон-Визиним, опровергается однако ж позднейшими исследованиями. Сохранилось предание, что предчувствуя приближение смерти, он приказал открыть окно в своей комнате, желая в последний раз насладиться зрелищем природы. Это предание послужило даже сюжетом для одной картины того времени.

Известно, что многие царственные особы XVIII-го века считали в числе своих обязанностей оказывать внимание выдающимся французским писателям. Тоже было и с Руссо. Фридрих II-й дал ему убежище в Невшатальском кантоне; король Англии предлагал ему пенсию; герцогиня Саксен-Готская уговаривала его поселиться в Готе; принц Евгений Людвиг Виртембергский вел с ним переписку о воспитании своих дочерей, из которых принцесса София-Доротея — императрица Мария Феодоровна — прославила себя впоследствии трудами по воспитанию и благотворительности (Принц, впоследствии герцог Виртембергский, долгое время жил частным человеком в Лозанне. Там же жили (1764 г.) граф и графиня Головкины, воспитывавшие своего ребенка по системе Руссо. J. J. Rousseau. *Ses amis et ses ennemis*. Paris. 1865. II, 132 и 172. Взгляд самого Руссо на воспитание Головкиной по его началам изложен в письме его к принцу Виртембергскому 21-го января 1764. *Oeuvres et correspondance inédites de J. J. Rousseau par Streckeisen-Monlton*. Paris. 1861, p. 406.); лица, коим поручено было воспитание датского принца, впоследствии короля, обращались к нему за советами. Как же смотрела на него Екатерина, покровительница так называемых философов?

В то время, когда Руссо издавал своего Эмиля, взоры Европы обращены были на события, театром которых служила Россия. В союзе с Франциею, Россия участвовала в семилетней войне, когда смерть императрицы Елисаветы Петровны круто изменила положение дел. Ее преемник, Петр III-й, известный партизан Фридриха II-го, немедленно приостановил военные против Пруссии действия и, вероятно, принял бы его сторону, если бы вступление на престол Екатерины не положило конец его шестимесячному правлению.

Руссо имел тогда в Петербурге корреспондента, секретаря французского посольства, известного Рюльера, который, между прочим, писал ему в августе 1762 года, вслед за воцарением Екатерины, следующее (J. J. Rousseau. *Ses amis et ses ennemis*. Paris. 1865, I, 366.): «для того, чтобы вы могли лучше судить о том, что здесь произошло, нужно только, чтобы вы знали, что такое был Петр III-й. В продолжение всей настоящей войны он

изменял этой стране. Все предположения о военных действиях, сообщенные русскому двору и согласенные с ним, он передавал прусскому королю. Он хвалился этим в присутствии всего двора, обращаясь с речью к соучастнику его измены. Нужно быть Петронием, чтобы изобразить его удовольствия, и Тацитом, чтобы изобразить его двор. Впрочем, он еще не выказывал жестокости потому что мягкость предшествовавшего царствования не оставила в нем идеи пролития крови но он сделался бы жестоким, ибо был человек запальчивый и трусливый (*violent et lache*)».

Воцарение Екатерины прекратило эти опасения, но начало ее царствования было таково, что могло заставить другого корреспондента Руссо, принца Виртембергского, «задуматься» над политическими шалостями «которыми, как он выразился (**Письмо к Руссо 11-го сентября 1764- Ibid. II, 186.**), русские забавляли в течение нескольких лет удивленную Европу и которые так хорошо утверждают превосходство этого века философии. Императрица, кончина которой подозрительна, император, которого заставляют умереть от колики, и принц (Иоанн Антонович) рожденный на престоле и погибающий в заточении, вот зрелище, возмутительное само по себе, потому что оно оскорбляет человечество; но зрелище это должно служить уроком царям, поразительным образом доказывая и, что диадемы также подвержены неустойчивости человеческих превратностей и бурям судеб, и может дать им почувствовать, что от величия до падения и несчастья не так далеко, как они думают. Я посылаю вам две эпитафии одна изображает пред глазами царей ту великую истину, которую я только что выразил, — другое четверостишие заключает в себе рождение, несчастье и смерть бедного Иоанна. Вот они:

«Princes, qui presidez au sort de l'univers,

Apprenez combien peu l'eclat de la couronne,

Suffit pour dérober vos tetes aux revers:

Jwan, ne sur le trone

A peri dans les fers.

Ses bourrelets furent des couronnes

Et ses jeux d'enfant des revers.

Roi, ne sur le plus grand dee trones,

Pas moins, il mourat dans les fers».

Но Руссо не нужно было этих, по его словам (**Письмо его к принцу Виртембергскому, 14 октября 1764 г. Oeuvres, XXXIV, 161.**), «прекрасных мыслей, выраженных в очень дурных стихах», для того, чтобы составить себе мнение о Екатерине: — он не принадлежал к числу лиц, которые могли ей сочувствовать. Руссо не примкнул к тому кругу энциклопедистов, к которому принадлежали камер-юнкер Вольтер, непременный секретарь французской академии Даламбер, библиотекарь Екатерины Дидро и ее комиссионер Гримм. Эти последние не были революционерами. Они ратовали против злоупотреблений, фанатизма, нетерпимости, но не желали обходиться без содействия государей и в них искали опоры в борьбе своей против церкви. Они уживались с так

называемым в то время просвещенным деспотизмом и добившись реформ 1789 г., вероятно, ничего бы более не потребовали от революции. Но в Руссо является второе поколение французских философов, являются демократы. Вольтера можно назвать монархистом-либералом; — Руссо был республиканцем; первый разыгрывал роль знатного барина, владельца замка Фернея, — второй был простым гражданином Женевы. Вольтер поддерживал переписку с царственными особами, Руссо сам называл себя врагом царей ([Письмо к Фридриху II, 30 октября 1762 г. Oeuvres de Frederic le Grand. Berlin. 1852. XX, 300.](#)). Инстинктивно Екатерина ненавидела его.

Немедленно по воцарении, Екатерина выразила свое сочувствие энциклопедистам державшим в то время в своих руках общественное мнение Европы. Она предложила издателям энциклопедии, тогда запрещенной во Франции, продолжать печатание ее в России, и пригласила Даламбера быть воспитателем ее сына, цесаревича Павла Петровича. Но, несмотря на очень выгодные условия и на настояния Екатерины, Даламбер отказался от этого приглашения, и, по мнению Руссо, поступил хорошо, потому что он не сделал бы из Павла Петровича ни завоевателя, ни мудреца, а сделал бы только арлекина ([Письмо Руссо к Марешалю, 26 ноября 1762 г. Oeuvres, XXXIII, 413.](#)). Как ни резко это мнение Руссо, но в тогдашнем французском обществе многие выражали сомнение в пригодности Даламбера педагогической деятельности. «Даламбер — это Диоген, которого следует оставить в его бочке», записал в своем дневнике Башомон ([Memories secrets, 15 fevrier 1763](#)), повторяя, вероятно, отзыв современного ему общества.

Заботы об образовании сына обратили внимание Екатерины на общий вопрос воспитания, — вопрос, вновь подвергшийся горячему обсуждению по случаю появления Эмиля. И вот секретарь французского посольства в Петербурге, Рюльер, ждет не дождется присылки этой книги, жалуясь на отсутствие книгопродавцев и на слабость книжной торговли в России. Наконец, три экземпляра Эмиля привезены в Москву «по случаю», но их должны прежде всех прочесть сановники, — *les grands de l'empire* — и Рюльер успевае лишь пробежать эту книгу, почти что украдкой ([Письмо его к Руссо из Москвы 20 февраля 1763 г. J. J. Rousseau. Ses amis et ses ennemis. I, 308.](#)). Вероятно больше трех ее экземпляров и не проникло в Россию и никто, кроме сановников, ее не читал, потому что, ознакомившись с нею, Екатерина запретила привоз ее в Россию, наравне с «мемориями Петра III» ([Memoires pour servir a l'histoire de Pierre III, publies par M. D. G*** Francfort. 1762. O запрещении этой книги см. Арх. кн. Воронцова, VII, 605.](#)), «письмами жидовскими» и т. п. книгами, «которые служат к преобращению (развращению) нравов» ([Указ Сенату 6 сентября 1763. Сборн. Императ. Русск. Историч. Общ. VII, 318](#)).

В Эмиле видела она причину дурного воспитания, полученного датским принцем. «Когда молодые люди делают глупости, говорит она ([Письмо к г-же Бьелке, 13 сентября 1770. Ibid. XIII, 37.](#)), — в этом нет ничего необыкновенного, по когда всюду встречаются следы дурного сердца, — легко рождается отсюда общественное негодование. Признаюсь, я очень этим огорчена. Особенно не люблю я Эмильевского воспитания: — не так думали в наше доброе старое время, а как и между нами есть однако же удавшиеся люди, то я и держусь этого опыта и никогда не подвергну драгоценные отпрыски (*des rejets precieux*) сомнительным или недоказанным опытом».

Также неодобрительно отзывается Екатерина и о другом сочинении Руссо — *Contrat social*. Известно, что в сочинении этом Руссо высказал мысль, что реформа Петра была реформой слишком крутой и вывел из этого довольно странное заключение о будущем развитии России ([приводим подлинные слова Руссо \(livre II, par. VIII\).](#)). На эту фразу обратил внимание недруг Руссо — Вольтер. Он опровергает ее в письме к своему петербургскому приятелю Пиктэ ([Сентябрь 1763. Изд. Бёшо, т. 61, № 3929.](#)). И Екатерина,

которой это письмо Вольтера было представлено, задета была за живое мнением Руссо. «Я отвечу на предсказание Жан Жака Руссо, давая ему, доколе буду жива, очень невежливое опровержение», писала она Вольтеру (1763 г. *Ibid.*, № 3942.). «Не так давно, писала она в другом письме к нему же (3 марта 1771 г. *Ibid.*, т. 67, № 6114), новый Сен-Бернар проповедовал у вас во Франции духовный крестовый поход против меня, — сам, как я думаю, хорошенько не зная за что. Но этот Сен-Бернар ошибся в своих пророчествах, совершенно также, как и первый. Из того, что он предсказывал, ничто не оправдалось; он только ожесточил умы. Если в этом и заключалась его цель, то, надобно признаться, что он имел успех, но цель эта кажется очень мелочной (*mesquin*)».

Наконец, когда аббат Шапп, в описании своего путешествия по России, сослался, в подтверждение своих взглядов на будущность России, на мнение Руссо, Екатерина не оставила без возражения и это место в книге Шаппа, разобранный ею в известном ей Антидоте. «Вопреки ссылке на Руссо, сказавшего, что быть может было бы желательно, чтобы русского народа никогда не коснулось просвещение, и вопреки аббату Шаппу, я, говорит Екатерина, решаю, не боясь ошибиться, что он пошел бы и пойдет далеко.

Литературной деятельности Руссо Екатерина предоставляла большую долю участия в революционном движении. Жалуясь на упадок словесности во Франции (не до нее было в эпоху великого переворота), она желала знать, «что сделают французы с лучшими своими писателями, которые все, и сам Вольтер, были роялистами; все проповедовали порядок, спокойствие, все противоположное системе гидры с тысяча двумястами головами (*Гидра с тысяча двумястами головами, — так Екатерина называла национальное собрание*); не сожгут ли они их творения на площади, потому что произведения эти нейдут к глупостям, которые они теперь делают; — Руссо сделал их четвероногими» (*Письма к Гримму 1790 — 1791 гг. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ. XXIII, 488, 493 и 521. — Rousseau les mis a quatre pattes — намек на комедию Палиссо «Les philosophes»*).

Даже драматическая смерть Руссо не внушила Екатерине, не смотря на известную ей «чувствительность», сожаления. «С вашими опасениями на счет потери писем, писала она Гримму (*Ibid.*, 17 декабря 1778, стр. 1175), вы походите на покойного Жан Жака, сомнительной памяти, который воображал, что вся Европа занималась изобретением противу него преследования, — тогда как никто об этом и не думал». Только место могилы Руссо, на острове, среди озера, понравилось Екатерине, и после того как герцог Готский похоронил таким же образом своего сына, она даже пожелала, чтобы подобный способ погребения вошел в моду (*Письма к Гримму, стр. 167; письмо 2 января 1760 г.*).

И не смотря однако на эту нелюбовь к Руссо, Екатерина нашла нужным приобрести его бюст, сделанный Гудоном. Бюст этот до сих пор украшает одну из зал Эрмитажа (*Livret de la galerie de l'Ermitage. St. P — g. 1838, 270. Бюст этот доставлен был Екатерине в 1781 г. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ. XV, 15.*). Понятно, что, когда Екатерина обратилась к педагогической деятельности, приняв на себя заботы об образовании двух старших внуков, идеи Руссо о воспитании остались без всякого влияния на эту в высшей степени практическую женщину. Мы думаем, говорит г. Лавровский, в своей речи о педагогическом значении сочинений Екатерины (*Харьков, 1865 г., стр. 40.*), что воспитательная теория Руссо, «как ни замечательна она по остроумию и оригинальности, противореча главным началам общественной и частной жизни, не могла возбудить к себе сочувствие императрицы». Скажем более: — расстояние между взглядами самодержавной Екатерины и республиканца Руссо было так велико, что первая и не могла понимать второго. Так, например, она утверждала, что Руссо высказал однажды следующую мысль: «если вы желаете быть свободными, будьте готовы переносить не только ужасные несчастия, которые приведут вас к свободе, но еще и те, которые

сопровождает свободу и составляют ее последствия» (**Письмо к Гримму 12 мая 1791. Собрн. Русск. Ист. Общ. XXIII, 537 — 538.**). Руссо нигде не говорил, да, конечно, и не мог выразить столь странного положения. В указанном Екатериною месте Руссо не говорит, что люди не способны к пользованию свободой, он говорит только, что ее страшатся жалкие (рауvtes) и слабодушные люди, что — далеко не одно и то же.

Причину несчастий Руссо часто старались объяснить его болезненно развитым самолюбием и гордостью. Любопытно, что те же качества Екатерина думала видеть и в Радищеве. Разбирая его известную книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», Екатерина говорит: «вероятно, кажется, что сочинитель родился в необузданной амбиции, и, готовясь к высшим степеням, до ныне еще не дошел, желчи нетерпение разлилось повсюду на все установленное и произвело собою умствование, взятое однако из разных полу мудрецов сего века, как-то Руссо, Аббе Рейналь и тому ипохондрику подобные» (**Арх. кн. Воронцова V, 415**).

Впрочем, независимо литературной деятельности Руссо, Екатерина не благоволила к нему и за сношения его с поляками. Хотя сочинение Руссо о нужных для Польши преобразованиях явилось в печати только в 1782 году, уже после смерти Руссо, но сущность этого сочинения, конечно, была известна Екатерине немедленно по его написании, так как Гримм разобрал его тогда же в своей литературной корреспонденции (**январь 1773 года**).

Не смотря на запрещение Эмиля и на нелюбовь Екатерины к деятельности Руссо, переводы его произведений появлялись в России довольно часто в XVIII веке. Но если на развитие отдельных, исключительных личностей мысли Руссо и могли иметь полезное влияние, то в массу русского общества они вовсе не проникали. Русское общество того времени было далеко не приготовлено к восприятию этих идей.

Если Радищев, человек высокообразованный, вполне понимал значение того переворота в идеях о воспитании, которым Европа обязана была Руссо (**Письмо к гр. А. Р. Воронцову, 26 ноября, 1791 г. Арх. кн. Воронцова, V, 332.**), то на сколько другие, а в том числе и сами русские переводчики Руссо, усвоили себе его идеи, лучше всего покажет пример одного из них, П. С. Потемкина.

Потемкин был человеком довольно близким к Екатерине, водил дружбу с французскими писателями и с Тома состоял даже в переписке. В 1768 — 1770 годах перевел он четыре сочинения Руссо («**Русская Старина**» 1871 г. ч. IV, № 11, стр.574.). Но через двадцать лет, под влиянием успехов революции во Франции, взгляды его изменились и, говоря о французских писателях, он утверждает, что Руссо — «умствуя упрямо, проповедовал вольность и равенство нравственное, когда его и в природе не существует; и под видом может быть желания ко благу человека, чаял править миллионами сердец человеческих, как управлял пылким своим пером». Затем он просит И. И. Шувалова, главу русских галломанов, «вразумить его постигнуть, как могли сии, столь знаменитые разумом люди, возбуждая народы к своевольству, не предвидеть пагубные следствия для народа» (**Письмо 23 октября 1794 г. ibid. 1872 г., ч. V, № 2, стр. 346. Первоначально в Московском Вестнике 1809 г. ч. I, стр. 90.**). В этом случае Потемкин едва ли не судил по самому себе; не идеи ли Руссо возбудили и его к своевольству. Начальствуя над кавказскою областью, он позволял себе страшные беззакония. В 1795 году, шах персидский прислал своего брата послом в Петербург — просить покровительства Екатерины и сообщить ей о всех ужасах, производимых Потемкиным в то время, когда он был командующим войсками на Кавказе. «Жестокости испанцев в Новом Свете и англичан в Индии, говорит Ростопчин (**Арх.кн. Воронцова VIII, 117. Письмо к гр. С. Р. Воронцову. 8 декабря 1795 года.**), ничто в

сравнении с зверствами нашего военного философа, который занимался переводом Елоизы Руссо, а теперь обрекал гибели всех, владевших предметами, могущими соблазнить его корысть. Императрица назначила, для рассмотрения этого дела, особую комиссию. Потемкин приедет сюда, но, прибавляет Ростопчин, ему вероятно, ничего не сделают, потому что он слишком богат...»

По смерти Руссо, жена его, побуждаемая крайне стесненными обстоятельствами, обратилась к Екатерине II с следующим письмом ([Письмо это находится в Государственном архиве, карт. XVII, № 123. и обязательно сообщено нам Г. В. Есиповым](#)):

«Государыня!

Не ценою похвал получаются благодеяния Вашего Величества. Истинная слава выше всяких похвал.

С той счастливой эпохи, когда Вы вступили на престол, науки и труженики, их зарабатывающие, были предметом Вашего уважения и благоволения.

Подобно Титу, каждый день Вашей жизни отмечен благодеяниями; своими щедротами Вы предупреждали желания первостепенных французских ученых; но между ними был один, непреклонная душа которого, казалось, была недоступна какому бы то ни было благодеянию.

Тем не менее, он был поклонником истинного дарования, и, разумеется, Вашего, Государыня. Жан Жак Руссо платил должную дань тому величию духа, которое побуждало Вас трудиться постоянно на благо своих народов, привлекая к себе почестями и щедротами ученых, знания которых могли содействовать осуществлению великодушных начинаний Вашего Величества. С живейшим интересом видел он плоды их в бессмертном творении — Наказе, начертавшем новое уложение законов, и во всех других проектах гуманного и философического правительства.

Этот добродетельный философ, с которым моя судьба была связана в течение более тридцати лет, жил только для человечества, забывая о самом себе. Пока он был жив, я переносила это великодушное самоотвержение. Счастливая его славою, я не чувствовала себя несчастною от его бедности.

Но с тех пор, как смерть похитила его, одинокая, всеми оставленная, даже оклеветанная, как и он был оклеветан при жизни, я сознаю свое бедственное положение. Одного взгляда Вашего Величества достаточно для облегчения моих страданий. Позвольте, Государыня, обратить на себя ваше внимание. Льщу себя надеждою, что это не будет напрасно.

Взоры Вашего Величества могут иногда упасть на черты того, кто был моим супругом. Вы поместили бюст его в Вашем дворце. Соблаговолите же, Государыня, внести ивья его вдовы в список Вами покровительствуемых. Таковая благосклонность с Вашей стороны послужит уроком для государей, которым вы уже дали их так много в иных случаях.

С глубочайшим почтением пребываю,

Вашего Императорского Величества

нижайшая и покорнейшая слуга

Мария Тереза Левассер, вдова Жан Жака Руссо».

Отвечала ли Екатерина на это письмо и оказала ли просительнице какую-нибудь материальную помощь, нам неизвестно.

Д. Кобеко.